

Проверка на "Таможне"

В МАРИИНКЕ

В Мариинке всегда и во всем щедры на новшества: в репертуарных планах ощущается постоянный поиск чего-то нового или, по крайней мере, малоизвестного, способного оживить афишу; в подборе исполнительских составов нельзя не обратить внимания на стремление привлечь со стороны талантливых певцов, танцовщиков, постановщиков, художников. Недавно руководство театра придумало чисто организационные меры, которые, очевидно, тоже помогут совершенствованию творческого процесса в Мариинке: создание впервые в театре Экспертного совета. Об этом эксперименте размышляет широко известный танцовщик, многоопытный мастер балетного "цеха" Никита Александрович ДОЛГУШИН, которому предстоит принять в нем самое активное участие, занявшись проблемами балетной труппы.

-Создание Экспертного совета — это эксперимент руководства театра, которое стремится к восстановлению марки и качества деятельности Мариинки. Видимо, есть необходимость что-то восстановить: не было бы этого совета, если бы все было хорошо. Что, как и почему нехорошо — это и будет выясняться советом. Насколько он долговремен, покажет время.

Люди, занятые в совете, независимы: каждый из них имеет свое дело и не стремится — уж о себе-то я могу сказать точно — к трону в Мариинском театре. Члены совета готовы к тому, чтобы понять какие-то причины несовпадения представлений о том, что такое этот театр, каков он сегодня. Сейчас идет черновая работа по выяснению этих причин. Естественно, что никакие вербальных действий совет не собирается совершать, ибо, повторяю, он независим и в любой момент может прекратить свое существование, в частности, я говорю о себе, — если увижу, что моя деятельность не приносит пользы. А если смогу помочь своим опытом, своим представлением, чем должен быть этот театр, я буду рад это сделать. И в зависимости от того, какова будет ответная реакция труппы, мы будем либо дружить, либо красиво разойдемся... Превосходство всегда, во все времена, во всех отраслях — науке, искусстве, технике, спорте — надо подтверждать. Сиднем сидеть на былых заслугах — это мелко, недостойно. В искусстве, и в балете в частности, вчерашние заслуги уже мало что значат. Любой спектакль театра должен быть особенным, потому что это особенный театр.

Чтобы создать квалифицированное, мотивированное мнение, нужно не слухами пользоваться и не газетными рецензиями или эмоциональными всплесками по поводу всего театра или конкретного танцовщика, нужно все тщательно просмотреть. Естественно, не для того, чтобы сразу начать что-то диктовать. Я не признаю тоталитарные методы руководства. Я всегда хочу досконально узнать человека, все его порывы, импульсы, и если, на мой взгляд, они в чем-то ошибочны, я готов предложить свою помощь. Мой жизненный опыт подсказывает, что люди, пусть не сразу, но откликаются. Экспертный совет должен быть некой "таможней", через которую будет проходить вся "продукция" театра. По-

этому первая ступенька — осмотр текущего репертуара. Тот ли он, на который способна труппа, или что-то упущено — все это мне предстоит определить, мотивировать и высказать, вернее всего, в беседе с балетной труппой — с репетиторами и артистами. Может быть, это будет некий отчет о том, чего не хватает и что хорошо. Торопиться с какими-то высказываниями не буду. Главное пока — это знакомство с труппой, с уровнем спектаклей, со стилистическим соответствием и соответствием амплуа.

Все должно быть предельно конкретно и определено. В этом и состоит задача совета, и в этом — моя надежда на помощь театру, который сегодня переживает симптомы болезни.

Существует мнение, что Мариинский театр — это хореографический Эрмитаж. Это близко к тому, что должно быть в театре. Эрмитаж — историческая ретроспектива самых разных веков и стилей в искусстве. Я думаю, что на современном этапе, на стыке веков, творческий человек не может пройти мимо каких-то исторических знаков. А для этого нужно знать историю искусства, интересоваться ею, чувствовать ее. Я огорчен, что нынешние артисты в массе своей не имеют желания учиться. Исключения, конечно, бывают: так Ульяна Лопаткина, классическая танцовщица, занимается, помимо всего, с выдающимся мастером характерного танца Ниной Михайловной Стуколкиной. И на искусстве Лопаткиной это сказывается явно. Сцена ведь полностью обнажает человека. И прежде всего виден его интеллект. Человек может делать орфографические ошибки в письме — дело не в этом! — но профессиональных ошибок он делать не должен или во всяком случае должен стремиться их не делать. Всегда видно: думал ли человек над тем, что танцует, и думает ли во время исполнения. Если подходишь к исполнению профессионально, случайностью быть не должно. Спонтанность будет лишь кажущейся, какой она была у Галины Сергеевны Улановой. Уланова ведь "сбила с панталыку" целые поколения танцовщиц своей видимой спонтанностью, видимой импровизационностью. А это все было сделано со всей силой ее разума, ее таланта и любви к балету. Это пример жречества, непоказного служения искусству. Уланова, кстати, не любила показывать, как она это делает. Многие, очень многим казалось, что она действительно импровизирует на сцене. А это было явлением тончайшего, одухотворенного интеллекта. Похожее ощущение возникало при виде того, как делала экзерсис Алисия Алонсо, Фернандо Бухонэс или Наталья Макарова в "западный" период творчества, многие крупные артисты. Экзерсис — это не гимнастические упражнения, это философия, философия жертвенного отношения к своей профессии, доскональной, детальной, придирчивой работы над собой. Движения спины, головы, шеи, кистей рук, высота рук в подходах к движениям, пропорциональность больших и малых, вспомогательных и главных движений — в балете, и особенно в классическом балете, мелочей нет. Никогда не нужно жалеть времени и сил на выяснение этих мелочей. И, повторяю, все свои знания, весь свой опыт, всю свою доброжелательность к артистам и любовь к этому театру, которая началась достаточно давно, я хочу отдать — отдать в форме предложений, но не нравоучений.

Записала Юлия ЯКОВЛЕВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ